

Юлия Кильбург

За последней
ПЯТИЭТАЖКОЙ

Юлия Кильбург

За последней пятиэтажкой

<https://litres.ru/74581062>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катерине семнадцать, и она уверена: настоящая жизнь начнётся, когда закончится школа и она наконец уедет из Лущина — маленького города, где давно нечего искать.

Но после смерти бабушки привычный мир начинает расползаться по швам. Знакомые леса оказываются частью старого ведьминского мира, семейные тайны — куда глубже, чем казалось, а сама Катерина узнаёт, что унаследовала дар, о котором никто не спешил ей рассказывать.

Чем ближе она становится к магии, тем сильнее Луцин перестает быть местом, из которого хочется сбежать.

Но принять наследство — ещё не значит позволить ему решить твою судьбу.

Содержание

Глава 1. Катерина	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Кильбург

За последней пятиэтажкой

Глава 1. Катерина

Автобус до Звездовска тащился так, будто тоже не видел особого смысла куда-то ехать в такую жару.

Катерина прислонилась виском к нагретому стеклу. За окном медленно проплывали знакомые пятиэтажки, гаражи, рынок с выцветшим синим навесом, администрация с неизменной клумбой из бархатцев. У остановки две женщины продавали малину в пластиковых ведёрках. Чуть дальше, перед старым Домом культуры, рабочие снова перекладывали плитку — кажется, третий раз за последние пять лет.

Луцин можно было пересечь пешком минут за сорок. За двадцать пять — если очень спешить и ни с кем не здороваться. Последнее удавалось редко. Кто-нибудь непременно останавливал:

— Катюша, маме привет.

Или:

— Вот это ты выросла! А меня помнишь?

Катерина почти никогда не помнила.

Она поправила наушник и посмотрела на отражение в стекле. Через год всё это закончится.

Школа. Выпускной. Экзамены. Чемодан.
Москва.

Само слово приятно расширяло пространство вокруг. В Москве всегда что-то происходило — концерты, выставки, лекции, фестивали, какие-то кафе открывались и закрывались быстрее, чем в Лушине меняли расписание автобусов. За последние два года почти все знакомые постарше разъехались: кто учиться, кто работать, кто просто потому, что мог. Возвращались на выходные и рассказывали о метро, общепитах, ночных прогулках и людях, которых прежде никогда бы не встретили.

В Лушине после девяти вечера можно было встретить разве что соседей у круглосуточного магазина.

Катерина город не ненавидела. Ненавидеть место, где знаешь каждый двор, было бы всё равно что ненавидеть старую куртку: она может надоесть, стать мала, потерять вид — и всё равно рука сама находит знакомый карман.

Просто ей давно стало тесно.

Автобус выехал за город. Последние серые коробки остались позади, потянулись посёлки — деревянные дома, покосившиеся заборы, автобусные павильоны, покрашенные когда-то голубой краской. За ними начинались поля.

Июль выдался сухим. Трава вдоль дороги побелела от пыли, земля растрескалась, и даже берёзы выглядели уставшими от жары. В салоне пахло нагретым пластиком, бензином и чем-то сладким из пакета женщины через проход.

Катерина сняла один наушник.

Колесо провалилось в яму. Автобус подпрыгнул так, что она едва не приложилась лбом о стекло.

— Твою ж...

Водитель тоже высказался дороге, только гораздо обстоятельнее.

Катерина потёрла плечо. Столько мучений ради нескольких бумажных пакетов с травами, которые почему-то нельзя было купить ни в одной лущинской аптеке.

Мама могла заказать их через интернет. Могла перейти на обычный чай. Могла, в конце концов, съездить сама.

Но нет.

«Катенька, там знают, что мне нужно. Скажешь — восьмой сбор».

Восьмой сбор звучал так, будто первые семь не пережили испытаний на людях.

Поля закончились почти сразу. Дорога вошла в лес, и Катерина сама не заметила, как перестала раздражаться.

Здесь даже в июле было прохладнее. Высокие сосны подходили близко к трассе, под ними лежала густая зелёная тень, папоротник подбирался к самой обочине. Иногда между деревьями мелькали маленькие озёра, иногда — крыши дач, но чаще не было ничего, кроме стволов, травы и полосы дороги.

В детстве этот участок пути нравился ей больше всего.

Бабушка всегда говорила:

— Вот теперь начинается лес.

Катерина прижималась носом к стеклу и пыталась первой заметить лося или косулю, о которых рассказывали все городские паблики. За все годы, что она ездила из Лущина в Звездовск или к бабушке на дачу, ей не попался ни один.

Сейчас Катерина улыбнулась этому воспоминанию и почти сразу почувствовала знакомый укол под рёбрами.

Прошло полгода.

Иногда она просыпалась с мыслью, что надо позвонить бабушке. Иногда машинально брала в пекарне две булочки с маком — себе и Агате. А бывало, после школы сворачивала на знакомую улицу и только у самого перекрёстка вспоминала, что идти туда больше незачем.

Агата Романовна была рядом, сколько Катерина себя помнила. Жила в нескольких кварталах от них, и Катя забегала к ней почти каждый день: после уроков, по дороге с тренировки, просто потому, что не хотелось сразу возвращаться домой. Можно было сидеть на кухне с кружкой чая, пока бабушка перебирала травы, жаловалась на соседей или занималась чем-то своим, неизменно называя это «делами».

Мама много работала, папа часто уезжал, и порой Катерине казалось, что именно у бабушки она провела половину детства.

Летом просто становилось больше времени. Можно было прийти утром и обнаружить, что уже вечерет; помочь с травами, сходить за ягодами, увязаться с Агатой на рынок или

несколько часов читать на её балконе, пока снизу тянуло нагретой пылью и зеленью.

Теперь свободного времени тоже было много, только девать его оказалось некуда. Июль едва начался, а Катерина уже успела возненавидеть каникулы.

Небо впереди вдруг потемнело. Она нахмурилась. Ещё минут десять назад над дорогой стояла ровная летняя синева. Теперь из-за леса поднимались сизые облака, тяжёлые, с фиолетовым краем. Ветер прошёл по соснам широкой волной — сначала качнулись ближайшие верхушки, затем дальние.

Женщина через проход проснулась и принялась закрывать окно.

— Опять, — сказала она своему спутнику. — Третий раз за неделю.

Катерина посмотрела на небо.

Грозы вокруг Лущина всегда казались больше самого города. Ветер швырял мусор по дворам, гнул старые тополя, гремел железом на крышах гаражей. Несколько лет назад молния расколола липу прямо перед их домом, и половина дерева рухнула на детскую площадку. После этого Катерина долго просыпалась от каждого ночного грома.

Но лес перед грозой она любила. Цвета становились глубже. Сосновые стволы темнели, зелень почти светилась на фоне свинцового неба, воздух будто тяжёлел в ожидании первого дождя. В такие минуты привычная дорога вдруг казалась

совсем не той, по которой автобус ходил шесть раз в день.

Катерина сняла второй наушник.

Автобус начал тормозить.

На обочине стоял маленький жёлтый щит, прибитый к металлической трубе:

ПУТЕВАЯ РАЗВИЛКА

Она знала это место. Здесь выходили дачники, грибники и люди, которым почему-то было нужно в лес. За остановкой начиналась грунтовая дорога, но метров через пятьдесят скрывалась между соснами. Никаких домов с трассы видно не было.

— Катя Чернавина?

Катерина обернулась.

Рядом стояла женщина лет сорока — очень худая, с медно-рыжей косой через плечо. Чёрное платье доходило почти до щиколоток и для июльской жары выглядело совершенно непрактичным.

— Да.

Женщина улыбнулась, словно получила именно тот ответ, которого ждала.

— Я так и подумала. На Агату похожа.

Этого оказалось достаточно, чтобы напряжение исчезло.

— Вы знали мою бабушку?

— Кто же её здесь не знал.

Тоже вполне лущинский ответ.

Женщина придержалась за спинку сиденья, когда автобус

дёрнулся.

— Говорят, ты уезжать собралась.

Катерина удивилась уже сильнее.

— Через год. А откуда вы...

— Маленький город.

— А, — она усмехнулась. — Ну да.

Женщина посмотрела за окно. Автобус почти остановился.

— Не торопись с ним прощаться.

— Я не насовсем же.

— Все сначала так говорят.

Двери открылись с тяжёлым вздохом.

Женщина шагнула в проход, но на нижней ступеньке обернулась:

— Хорошей дороги, Катя.

— Спасибо.

Она вышла одна.

Катерина проводила её взглядом. Рыжая женщина поправила косу и вместо грунтошки пошла прямо между деревьями. Без сумки. Без корзины. Даже без зонта.

На стекле уже появились первые капли.

— Чудная, — пробормотала Катерина.

— Кто? — спросила женщина через проход.

— Да никто.

Двери закрылись.

Автобус снова набрал скорость.

Катерина включила музыку, но ещё несколько минут смотрела назад, пока Путевая Развилка не исчезла за поворотом.

Звездовск был всего раза в три больше Лущина, но Катерине нравилось делать вид, что она приехала в настоящий город.

Здесь был торговый центр с кинотеатром, книжный на два этажа, несколько приличных кофеен и ресторан японской кухни, который после трёх лет работы всё ещё считался местной достопримечательностью. Главная улица старалась выглядеть современной: стеклянные витрины, клумбы у администрации, рекламные щиты, вездесущие кофейные стаканчики в руках у прохожих.

Стоило свернуть за старую аптеку — и начинался совсем другой Звездовск.

Деревянные дома с резными наличниками теснились вдоль узких улиц. За покосившимися заборами росли яблони. Женщины торговали с ящиков смородиной, укропом и первыми помидорами. Где-то за домами лаяла собака. Пахло горячим асфальтом, хлебом из пекарни и речной водой.

Эта часть города нравилась Катерине гораздо больше торгового центра, хотя она бы в этом не призналась.

Она свернула два раза, прошла мимо ремонта обуви и остановилась у полуподвального помещения в старом кирпичном доме.

Вывеска была настолько выцветшей, что прочитать её можно было только с близкого расстояния:

ТРАВЫ · СБОРЫ · МЁД

В детстве Катерина считала это место аптекой для старух.

Сюда её приводила то мама, то бабушка. Мама обычно уносила несколько небольших бумажных свёртков. Бабушка приходила со своей матерчатой сумкой и уходила с ней заметно потяжелевшей.

Катерина хорошо помнила саму лавку — запах, ступеньки, звон колокольчика, — но почти не помнила людей за прилавком. Странно: Агата брала её с собой много раз.

Наверное, в пять-шесть лет продавцы мало кого интересуют.

Она толкнула дверь.

Колокольчик над головой звякнул негромко и по-домашнему.

Внутри было прохладнее, чем на улице. Под потолком висели связки сухих трав. На полках стояли банки с корнями, ягодами, семенами и порошками всех оттенков коричневого. В воздухе смешались мята, полынь, дым и что-то сладкое, почти приторное.

— Минутку! — донеслось из-за занавески.

Катерина подошла к прилавку.

На стене висел прошлогодний календарь. Рядом — фотография человек двадцати возле большого деревянного дома. Лица были мелкими, выцветшими. Катерина наклони-

лась ближе.

Одну женщину она узнала сразу.

Бабушка стояла в центре, ещё совсем молодая, в светлом платье. Волосы — тёмные, густые — были собраны наверх, на руках лежал какой-то букет. Она улыбалась не в камеру, а кому-то за кадром.

Катерина протянула руку к фотографии, но не коснулась.
— А, Катерина Чернавина.

Из-за занавески появилась женщина в сером платье, полноватая, загорелая, с седыми волосами, собранными в тугий пучок. Она поправила круглые очки.

— Совсем взрослая. Давно тебя не было.

— Здравствуйте.

— Одна сегодня? А где Агата?

Катерина не сразу ответила.

Такие моменты всё ещё случались. Реже, чем весной, но каждый раз требовали маленького внутреннего усилия — будто факт нужно было достать из памяти и снова положить между собой и собеседником.

— Бабушка умерла.

Женщина замерла.

— Что?

— В феврале. Полгода назад.

Она сняла очки.

— Агата?

Катерина кивнула.

Лицо продавщицы изменилось так быстро, что Катя почти пожалела о своём спокойном тоне.

— Господи... И никто не сказал.

Женщина отвернулась к полкам. Постояла так несколько секунд, потом начала зачем-то переставлять банки.

— Я всё ждала, — произнесла она наконец. — Думала, сама придёт. Или пришлёт кого-нибудь.

— Она болела.

— Знаю.

Катерина подняла глаза.

— Знали?

Женщина будто только теперь поняла, что сказала лишнее.

— В маленьких городах новости быстро расходятся.

— Но вы же не знали, что она умерла.

На этот раз пауза вышла заметной.

— Значит, не все новости до меня доходят.

Она полезла под прилавок и поставила перед Катериной небольшую деревянную коробку.

— А я ей златокорень собирала. Почти год.

— Что это?

— Корень.

— Это я поняла.

Женщина посмотрела поверх очков. Уголки губ дрогнули. Она открыла крышку.

Внутри лежали высушенные светлые корни, стянутые

красной ниткой. На вид — ничего особенного.

— Агата умела с ним работать, — сказала продавщица. — А я теперь даже не знаю, кому отдать. В обычные сборы такое не положишь. Ошибёшься с количеством — ничего хорошего не будет.

— Она часто у вас что-то заказывала?

— Постоянно.

— А что именно?

Вопрос, кажется, удивил женщину.

— Она тебе не рассказывала?

— Про травы? Рассказывала что-то. Но я не особо вникала.

Катерина сказала это и почувствовала раздражение — не на продавщицу, а на себя.

Сколько раз Агата что-то объясняла ей на кухне, перебирая листья или раскладывая по столу корешки? Катерина слушала вполуха, отвечала на сообщения в телефоне, рассказывала о школе, просила дать попробовать варенье. В семнадцать кажется, что у близких людей будет бесконечное количество времени повторить всё заново.

Оказалось — нет.

— Всякое брала, — сказала женщина мягче. — Она многим помогала.

Это Катерина знала. К бабушке действительно приезжали люди. Иногда привозили мёд, яблоки, домашний сыр, хотя Агата никого не просила. Катя считала, что это деревенские

знакомые благодарят за травы и советы.

— Мне нужен восьмой сбор, — вспомнила она. — Для мамы.

— Ольгин?

— Да.

Продавщица нагнулась под прилавок и сразу достала несколько бумажных пакетов, стянутых тонкой бечёвкой.

Катерина удивлённо посмотрела на них.

— Уже готово?

— Ольга обычно приходит в начале месяца.

Сегодня было третье июля.

— Она вам звонила?

— Зачем? — женщина пожала плечами. — Двадцать лет один и тот же сбор.

— Двадцать?

— Примерно.

Катерина взяла пакет. На бумаге от руки было написано: № 8. О. Ч.

Она знала эти травы столько же, сколько себя. Мама пила отвар утром и вечером, брала термос на работу, раздражалась, если сбор неожиданно заканчивался. Когда Катя была маленькой, ей говорили, что это от мигреней.

В последние годы она перестала спрашивать.

— Сколько с меня?

Катерина достала кошелёк.

— Нисколько.

— Мама меня убьёт, если я приду без сдачи и скажу, что взяла бесплатно.

— Не убьёт.

— Вы плохо её знаете.

Женщина тихо рассмеялась.

— Лучше, чем тебе кажется. Скажешь, что это мой последний подарок Агате.

Катерина ждала продолжения, но его не последовало.

За маленьким подвальным окном загремело. По стеклу застучал дождь.

— Кажется, попала, — сказала Катерина.

— Пережди.

Она взглянула на часы. До обратного автобуса оставалось чуть больше получаса.

— Если пережду, потом два часа торчать на вокзале.

Катерина убрала сбор в сумку.

Продавщица почему-то смотрела на неё внимательно, почти с сожалением.

— Что?

— Ничего. Глаза у тебя бабушкины.

Катя невольно улыбнулась. Ей это часто говорили. Раньше нравилось. Теперь каждый раз становилось одновременно приятно и больно.

— Спасибо.

Она уже повернулась к двери, когда женщина окликнула:

— Катерина.

— Да?

— Мама ведь разбирает Агатины вещи?

Катя насторожилась.

— Да.

— Если попадётся что-нибудь из моей лавки, не выбрасывай.

— Хорошо. Маме скажу.

— Нет, ей не надо.

Продавщица сняла очки и протёрла их краем фартука.

— Сама сначала посмотри.

Вот теперь это было странно.

— Зачем?

— Потому что Агата не любила, когда за неё решали, что важно, а что нет.

— Она умерла.

— Поэтому теперь решать тебе.

Катерина нахмурилась. Женщина словно хотела добавить что-то ещё, но передумала.

— Автобус пропустишь.

На улице пахло мокрой пылью.

Катерина подняла капюшон лёгкой куртки и побежала к остановке.

Колокольчик звякнул за спиной.

Обратно автобус ехал ещё медленнее.

Катерина устроилась у окна, положила пакет с травами на

колени и некоторое время переписывалась с Дианой, которая проводила лето у родственников где-то в такой глуши, что связь появлялась только возле сельского магазина.

«Жива?» — спросила Диана.

Катерина напечатала:

«Пока да. Купила маме её ведьмин чай».

Ответ пришёл через минуту:

«Привези мне зелье для похудения».

«Я тебя потом от этой отравы не откачаю».

Катерина улыбнулась и убрала телефон.

Автобус выехал на мост.

Под ним медленно текла река, тёмная после дождя. На песчаном берегу уже снова появились люди, будто грозы и не было. За водой начинался тот же зелёный простор, который Катерина любила в Лушине больше самого города: луга, лес, полосы полей. Здесь всегда становилось легче дышать.

Она прикрыла глаза.

Хотелось спать. В голове лениво перемешивались рыжая женщина, фотография молодой Агаты, златокорень, странный совет продавщицы.

Ничего особенно необычного.

У бабушки было много знакомых. Бабушка работала с травами. Мама двадцать лет покупала один и тот же сбор. Люди в маленьких городах знали друг о друге больше, чем следовало.

Вот и всё.

Что-то громко ударило по стеклу.

Катерина распахнула глаза.

Снаружи, почти вровень с автобусом, летел ворон.

Большой — настолько, что сперва она решила, будто птица вот-вот врежется в окно. Ворон несколько раз взмахнул крыльями, поймал воздушный поток и ещё пару секунд держался рядом.

— Кар!

Крик оказался слышен даже сквозь стекло и гул двигателя.

Катерина посмотрела на птицу.

— Кар, — ответила она, сама не зная зачем.

Мужчина впереди обернулся.

Катя сделала вид, что просто кашлянула.

Ворон резко ушёл вверх.

Сон пропал.

Она не любила этих птиц после похорон.

В тот день их было особенно много. Они сидели на голых февральских берёзах вокруг кладбища и кричали всё время, пока говорили люди, пока опускали гроб, пока промёрзлая земля тяжело падала на крышку.

Катерина почти ничего не запомнила из тех нескольких часов.

Зато вороний крик помнила. И руку мамы.

И совершенно невозможную мысль: как можно сейчас уйти отсюда, если бабушка навсегда здесь останется?

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от мамы: «Ужин в холодильнике. Я в бабушкиной квартире, разбираю вещи. Буду вечером. Не забудь заварить сбор. Целую».

Катерина перечитала дважды.

Пальцы сами набрали:

«Хорошо».

Потом она добавила:

«В лавке про бабушку спрашивали».

Посмотрела на экран и стёрла.

Расскажет дома.

В квартире стояла та особенная июльская духота, против которой не помогали ни открытые окна, ни вентилятор.

Катерина бросила сумку в прихожей, поставила травы на кухонный стол и первым делом открыла балкон.

С улицы ворвался горячий воздух, пахнувший мокрым асфальтом и тополиными листьями.

Не помогло.

Она выпила почти весь стакан воды и рухнула на диван.

В гостиной теперь стояли бабушкины часы.

Мама привезла их несколько дней назад — огромные, тёмные, совершенно не подходившие маленькой квартире. Раньше они занимали угол в Агатиной гостиной. Катерина помнила их столько же, сколько себя: тяжёлый корпус, золотистый маятник за стеклом, чуть хриплый бой.

На похоронах часы остановились.

По крайней мере, Катерина была в этом уверена.

После переезда они снова пошли.

Мама сказала, что механизм просто встряхнули в машине.

Катя не спорила. Старым часам, наверное, и не такое полезно.

Стрелки показывали без двадцати четыре.

Тик.

Так.

Тик.

Где-то во дворе закричали дети. По асфальту прокатился велосипед. Сосед сверху снова что-то сверлил — после четырёх лет ремонта Катерина уже всерьёз подозревала, что он пытается пробиться к центру земли.

Она закрыла глаза.

Сначала просто на минуту.

Трава была холодной от росы. Катерина шла босиком и чувствовала, как тонкие стебли щекочут щиколотки. Лес вокруг казался знакомым. Не так, как знакомы места, куда часто приезжаешь. Она просто знала, что за холмом будет ручей. Что справа, за соснами, растёт старая рябина. Что если пройти чуть дальше, тропа разделится надвое.

И всё-таки не могла вспомнить, когда здесь была.

Впереди журчала вода.

Катерина ускорила шаг. Солнце только поднималось. Свет проходил сквозь деревья длинными золотистыми полосами,

туман лежал между стволами.

Кто-то шёл впереди. Женщина — или девочка — в светлом платье. Издалека было не разобрать.

Катерина хотела позвать её, но та свернула за деревья.

Тропа разделилась. На левом пути лежали круглые камни, мокрые от росы. Справа среди травы мелькнуло что-то синее.

Катерина остановилась.

Ветер прошёл по лесу. И на секунду ей стало так спокойно, будто она наконец пришла туда, куда давно собиралась.

Гром ударил совсем рядом. Катерина резко села.

Несколько секунд она смотрела на знакомую комнату, не понимая, почему за окном вечер, если только что занималось утро.

Потом вспомнила.

Сон. А часы уже показывали половину седьмого.

— Отлично.

Она проспала почти три часа.

На кухонном столе всё ещё лежали травы. Катерина поставила чайник.

Восьмой сбор мама пила утром и вечером. Никогда не пропускала. Если не успевала дома, брала термос на работу. Если травы заканчивались, начиналась мигрень — сильная, со светобоязнью и тошнотой. Иногда Ольга запиралась в спальне на весь вечер и просила не включать свет в кори-

доре.

В детстве Катя считала отвар лекарством. Собственно, он им и был, только слишком уж специфическим. Однажды лет в двенадцать она решила попробовать мамин чай и после первого глотка выплюнула его обратно в раковину.

Горько. Терпко. Такое ощущение, будто пожевал ветку.

Она развязала бечёвку. Внутри лежала смесь сухих листьев, мелких цветов и корешков, пахло лесом после дождя.

Катерина отмерила две ложки в заварник.

Бабушка делала иначе. Сначала прогревала чайник кипятком, потом отмеряла травы ладонью, что-то добавляла из маленькой жестяной коробки и накрывала заварник полотенцем.

У неё отвар получался прозрачным, почти золотистым.

У Катерины — мутно-зелёным.

— Какая разница, — пробормотала она.

Бабушка бы обязательно услышала и ответила, что разница есть всегда, если знать, куда смотреть.

Катерина замерла с ложкой в руке. Вот так память и работала последние полгода. Без предупреждения.

Она вспомнила руки Агаты — тонкие, сухие, всегда пахнущие травами. Вспомнила, как бабушка сидела на ступеньках деревенского дома и чистила яблоки одним длинным завитком кожуры. Как позволяла Кате спать у себя после грозы, хотя потом всю ночь ворчала, что та отобрала одеяло. Как знала о школьных ссорах раньше, чем Катерина успева-

ла рассказать.

Агата была первым человеком, которому Катя звонила, если получала пятёрку, ссорилась с мамой или просто не знала, что делать.

Это было первое лето без неё.

И первое лето, которое Катерина целиком проводила в городе.

Дом за Луцином стоял запертый. Катя несколько раз просила ключи, но мама отвечала неопределённое «потом». Объясняла, что сначала нужно разобрать квартиру, документы, вещи, решить, что вообще делать с домом.

Логично.

Только Катерине казалось неправильным, что июль уже идёт, а окна там закрыты.

Наверняка клубника переспела. Наверняка под навесом всё ещё висят прошлогодние связки трав. Наверняка крыльцо завалило сосновыми иголками.

Мама деревенский дом никогда особенно не любила.

Как и всё, что было связано с бабушкиной «работой».

Катерина долго не замечала напряжения между ними. В детстве взрослые вообще кажутся людьми, которые понимают друг друга по умолчанию. Потом она начала видеть: мама приезжала к бабушке редко, разговоры были короткими, осторожными. Ольга привозила продукты. Агата отдавала ей бумажные пакеты с травами. Иногда они закрывались на кухне, и голоса становились тише.

Один разговор Катерина всё-таки услышала.

Ей было лет девять, и она сидела на лестнице, прижав к груди книгу, и ждала, пока мама уедет, потому что после её отъезда бабушка обещала пойти с ней к озеру.

— Я свой выбор уже сделала, мама, — сказала Ольга.

Очень спокойно. Настолько спокойно, что Катерина сразу поняла: перед этим они говорили громче.

— Я знаю, — ответила Агата.

— Тогда перестань смотреть на меня так, будто ждёшь, что я передумаю.

Несколько секунд было тихо.

— Я ни разу тебя об этом не просила.

— Не обязательно просить вслух.

Катерина тогда не поняла, о чём речь.

Позже решила, что мама говорит о переезде в Москву: Ольга уехала туда сразу после школы, прожила больше десяти лет и вернулась в Луцин уже с семьёй.

Наверное, так и было.

Чайник начал шуметь. В этот момент зазвонил домашний телефон. Катерина вздрогнула.

Стационарным телефоном почти никто не пользовался. Он оставался скорее по привычке. Раньше по нему регулярно звонила бабушка — мобильный она терпеть не могла и вечно забывала, куда положила.

Телефон продолжал звонить.

— Да иду я.

Катерина сняла трубку.

— Алло?

Несколько секунд на другом конце молчали.

Потом раздался женский голос — низкий, спокойный.

— Квартира Чернавиных?

— Да.

— Ольгу можно?

— Её нет дома. А кто спрашивает?

Пауза.

— Елизавета.

Катерина ждала фамилии.

— Какая Елизавета?

— Ольховская.

Имя ничего ей не сказало.

— Что-нибудь передать?

— Скажите, что я звонила.

— И всё?

На том конце будто тихо усмехнулись.

— Этого достаточно. Она поймёт.

Гудки.

Катерина посмотрела на трубку.

— Очень содержательно.

Елизавета Ольховская.

Наверное, мама когда-то упоминала. В городской администрации у неё было столько знакомых, что держать всех в голове не представлялось возможным.

Чайник закипел.

Катерина вернулась на кухню и залила травы кипятком — по квартире быстро разошёлся густой горьковатый запах.

Она приготовила себе какао и ушла в гостиную.

Гроза вернулась. Ветер бросал дождь в окна, занавески вздувались от сквозняка. В доме напротив торопливо захлопнули балконную дверь. Двор на секунду стал совершенно белым от вспышки, потом гром прокатился над крышами.

Катерина поджала под себя ноги.

Она любила какао именно из этой кружки — синей, с маленьким сколом на краю. Бабушка подарила её ещё в средней школе.

Вообще бабушки в квартире становилось всё больше.

Часы. Кружка. Коробка со старыми фотографиями в маминой спальне. Несколько книг. Шерстяной плед, который Ольга зачем-то привезла в июне, хотя до зимы было ещё полгода.

А самой бабушки не было.

Это оказалось удивительно несправедливым устройством смерти: человек исчезал, а вещи продолжали занимать место.

Часы продолжали идти, чашки стояли в шкафу, ключи лежали в карманах старых пальто. В феврале Катерине казалось, что со временем станет легче. Взрослые всегда так говорили.

Нужно пережить.

Нужно отпустить.

К июлю выяснилось, что время не особенно старается. Оно просто идёт.

Восьмого июня была такая же гроза. Бабушкин день рождения.

Катерина тогда возвращалась домой одна и расплакалась прямо посреди двора — внезапно, зло, почти с обидой, будто Агата нарочно выбрала умереть до собственного праздника.

Сегодня слёз не было, но отчаянно хотелось в деревенский дом.

Она посмотрела на часы.

Без пяти восемь.

В замке повернулся ключ.

— Я дома!

Катерина встала.

В прихожей мама пыталась одновременно закрыть зонт, снять туфли и удержать два пакета.

— Дай сюда.

— Спасибо, солнышко.

Ольга выглядела уставшей. Волосы у висков намокли, светлая блузка прилипла к плечам.

— Там льёт как из ведра. Ты успела до грозы вернуться?

— Как видишь, она застала меня врасплох.

Катерина понесла пакеты на кухню.

В одном лежали продукты. Во втором — вещи из бабушкиной квартиры.

Сверху виднелась связка ключей, пачка писем, перевязанная выцветшей лентой, несколько тетрадей и небольшая деревянная рамка, завернутая в газету.

Катерина задержала взгляд.

— Это от бабушки?

Мама быстро забрала пакет.

— Потом разберём.

— Я могу помочь.

— Не сегодня.

Катерина решила пока не спорить.

— Чай заварила.

— Спасибо.

Ольга достала любимую жёлтую чашку. Катерина налила ей настой.

Мама сделала первый глоток почти сразу, хотя чай был горячим.

— Голова болела? — спросила Катя.

— Немного. В квартире пыльно.

— В лавке сказали, ты этот сбор двадцать лет покупаешь.

Ольга едва заметно напряглась.

— Примерно.

— Никогда не думала, что у тебя мигрень началась так давно.

— Много о чём не думаешь, пока семнадцать.

Катерина закатила глаза.

— Спасибо, мама. Глубокая мысль.

Ольга улыбнулась и отпила ещё.

— Про бабушку там спрашивали.

Улыбка стала слабее.

— Кто?

— Продавщица. В сером платье, в очках. Я её раньше ви-
дела, наверное.

— Там несколько человек работают.

— Она сказала, бабушка заказала златокорень. Ещё год
назад.

Ольга поставила чашку на стол.

— Златокорень?

— Ты знаешь, что это?

— Слышала.

— А зачем он бабушке?

— Не знаю.

Слишком быстро.

Катерина посмотрела на мать.

— Мам.

— Что?

— А чем бабушка вообще занималась?

Ольга устало потёрла висок.

— Мы это обсуждали. Травами, народной медициной. По-
могала людям.

— Я знаю. Но сегодня какая-то женщина в автобусе на-
звала меня по имени, потому что знала бабушку. В лавке
её фотография висит. Продавщица говорит о ней так, будто

они вместе подпольную фармацевтику производили. Бабушка что, жила сразу две жизни?

Последняя фраза прозвучала шутливо, но Ольга не улыбнулась.

— У всех взрослых есть жизнь, о которой дети знают не всё.

— Я не ребёнок.

— Я знаю.

— Мне через пять месяцев восемнадцать.

— Катя, я помню, когда ты родилась. Я даже в этом участвовала...

Катерина фыркнула и открыла холодильник.

— Продавщица ещё сказала: если среди бабушкиных вещей найду что-то из лавки, не выбрасывать. И сначала посмотреть самой, а не отдавать тебе.

Тишина.

Катерина обернулась.

Мама смотрела на пакет с бабушкиными вещами.

— Именно так сказала?

— Почти дословно.

— Что-нибудь передала?

— Нет.

— Ничего тебе не дала кроме сбора?

— Нет. Мам, что происходит?

— Ничего.

Ответ последовал автоматически.

Катерина прислонилась к холодильнику.

— Ты сейчас прозвучала как человек, у которого определённно что-то происходит.

Ольга прикрыла глаза.

— Просто не люблю, когда чужие люди вмешиваются в семейные дела.

Это объяснение подходило. Почти. Катерина решила вернуться к разговору позже.

Она достала из пакета помидоры.

— А ещё тебе звонили.

— Кто?

— Елизавета Ольховская.

Чашка выскользнула из маминых пальцев.

Ударилась о кафель и раскололась.

Чай плеснул Ольге на босые ноги.

— Мам!

Катерина бросила помидор на стол и шагнула к ней.

Ольга не пошевелилась. Она смотрела на жёлтые осколки так, будто не понимала, откуда они взялись.

Лицо стало совершенно белым.

— Ты обожглась?

— Нет.

— Точно?

Катерина потянулась за полотенцем.

Мама вдруг схватила её за запястье. Слишком крепко для уставшего после рабочего дня человека.

— Что она сказала?

Катерина застыла.

— Кто?

— Елизавета.

Голос у Ольги стал тихим и совершенно незнакомым.

— Что именно она сказала?

— Что звонила. Что ты поймёшь.

За окном вспыхнула молния. Ольга закрыла глаза, и впервые за весь день Катерина перестала искать происходящему нормальное объяснение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.